

Владимир Шпагин

Большая часть жизни прошла в Мариуполе. Работал подручным сталевара, конструктором, научным сотрудником. В Израиле с 1997 года. Поэт. Автор стихотворных сборников.

Экспериментальная поэзия

Базара нет

Пляс альбиносов
 нимбом оголтелым,
 как ломкий почерк перечня утрат.
 И холод жмёт укутанное тело,
 так, будто он, заведомо, домкрат.
 Накопим снов,
 накупим пластилина,
 сварганим слепки
 с летних отпусков.
 Зима проймёт,
 как белая доктрина,
 мурыжа нас
 в объятых камельков.

Быть, по-моему, вели

Весна мне на пятки,
 опять возомнив,
 рискуя на мёртвых газонах.
 Летейские воды уносят мотив
 о том, как вокруг иллюзорны
 по лужам гарцующий мотоциклист,
 кимвалы трамваев в тумане,
 а ночью

 (как в пасти взыскует дантист)
 луна над зубами-домами.
 Всё мнится:

 чуть-чуть, и пробьётся росток
 апрельской смешилки-паршивки.
 Вот так и отпустишь
 седьмой лепесток
 иловишь иные наживки.

Величие ночи

А к ночи вьюги гвалт бредовый -
 и город сразу стал седым.
 У снега был прекрасный повод -
 казаться ветреным и злым,
 щипать за шкурками прохожих,
 пророчить в сонниках жильцов:
 ночь – это мощь,
 ночь – непреложна,
 ночь белых смертников – в лицо.

Вернись, Париж

Шептал Париж:
 - Я эйфелементарен,
 я перечёркнут Сеной и метро,
 а те, которые во мне не шарят,
 пусть божоле'ют

в маленьких быстро.
Ещё я – праздник, первенец разлуки.
По проводам запутанным мечты
я к вам вернусь, как сладостные муки,
те, что терзают в недрах красоты.

Весенние иды

Понеже стужа надоела,
товарищ, верь, не унывай.
- Весна конкретно залетела, -
сказали, - март, апрель и май.
Ишь, я вот жду,

как севший в лужу:
простужен и, ужели же,
дожился? Никому не нужен,
как шалый Ленин в шалаше.

Достучаться до небес

Что время? Молоточек.

Тук-тук-тук.

А достучаться-то не может:
среди сплошного шума тихий звук
не слышен, а как будто гложет
зверёк смиренный, или небосвод
пульсирует, пытаясь ровно
держаться,

наливаясь – тайный плод;
сегодня, завтра, словно ровня -
мы с ним, где та же ноет глубина,
и восторгает. Дальше, дальше:
дыши, датируй, пробуй семена
любви на зрелость и без фальши
смотри в глаза и в будущего мглу,
что ждёт в сочельник в зазеркалье,
а если в пыль зароешься в углу,
то время съест твою мечтальню.

Конкретно вечер

День уходит прощальным гулом,
словно ветра сквозное дуло
заряжают пичуги-гномы.
Вечер фенечкой невесомой
жребий мой берёт на поруки.
Дальний свет, как цветенье юбки.
На фиг сов. Детских снов обманка.
В небе звёздный недуг. Ветрянка?

Кранты

И мы ввязались в эти игры:
на холод доносили все.
Мороза гоножились иглы.
Февраль дописывал эссе.
Но птицам, в принципе, грозила
на север экстрадия,
но уж тепла торчало шило
из белой амуниции.
А там, под занавес, мимозы.
Зиме не гнать уже пургу:
она, верней, как “баба з возу”.
Весна ей вслед: - “Ржунимагу”.

Лунная соната

Она – мне: - Ты упал с луны.
Я – ей: про мягкую посадку.
Она – о вреде белены,
которую я взял в закладки.
Ну, что тут скажешь? На луне
никто не знает слово “нет”.
Я – ей: - Люблю! Ведь не любить –
так не заслуженно, так скверно.
Любовь бы надобно убить,

но на земле любовь бессмертна,
и я, конечно, передумаю,
и, может, сделаю себе же харакири.

Лясы грозы

В грозу у Музы едет крыша.
В пространстве форменный дебош,
когда электрошокер свыше –
внизу, с экранов луж, галдёж.
О свинстве шин, коварстве кровель,
о том, как мокрый полтергейст
синоптиков ловил на слове,
а мне бубнил сырой свой текст:
о человеческой природе,
мол, тело – джава на воде,
а мы в нём спим, а мы в нём ходим,
когда едва, когда два е.

Мальки

Когда заходит дело далеко,
счастливчики часов не наблюдают:
мгновенья кружат ворохом мальков
и в будущего сеть не попадают.
В мечтах фланируют их плавники,
их море – город,
где дрейфуют страсти.
Любви корабль – подъезды и звонки.
Вам шутки, а встречающих колбасит.

На языке ночи

Я всё там же, на том же мосту,
в ту же клавишу гляжу за версту.
Подо мной то ли Сена, то ли
терра сумерки, bien de Paris,

нажимает на энтер в груди,
будто светит ещё впереди:
слов на ветер и воду толочь,
а раскинешь умом – это ночь
так свербит, словно голос внутри.
Говори же со мной, говори..

Несъедобное

По утрам видишь даль и дымы.
Вожделенный самбук мотиваций?
Или бездна, в которой умы
ткнут ажурную сеть коронаций
на волнующий трон суеты,
и влекущая мощь не возврата
в тихий омут ночной пустоты
расползается по циферблатам
паутиной зависимости,
зудом слов и всеобщего действия.
Новый день возвестил: - Не спасти!
Яства снов из флюидного теста.

Ну что, мой друг..

Луна – наив, глазище небосвода,
ждёт мозговую косточку зари.
А у людей всё через пень-колоду:
ночь, улицы, аптеки, фонари.

И даже если выйдешь спозаранку,
химеры ночи прогоняя прочь,
ты вновь в Париже
утренней огранки:
не выжить без него, не превозмочь.

Отпусти, Париж

Однажды под занавес снился Париж
на дольки разрезанным

облаком крыш,
с каким-то балконом у дальнего края.
Там нежно жена предвещала чужая
иные симптомы истом и химер,
и жизни чужой эфемерный пример,
и, тютелька в тютельку, чувствуя такт,
будильник стучался в ночной кавардак,
и сонное царство безмолвно дрожало,
и воле жестокого дня уступало.

Отсебятина

Вот время – зверь. За что лишает сна?
И всё гундит:

- Давай, коньки отбросим, -
а за окном спесивая весна
в деньках расхристанных
и выше – просесть
из хрусталя небесной глубины.
Даль в облаках, как пугало в пелёнках.
Вот время-прыть, коварней белены
и особей в коротеньких юбочках.
Куда несётся призрачный состав
немыслимых и мыслимых стечений?
И кто среди встречающих? Минздрав?
С охапкой модных, позарез, лечений.

Пати

В рамках контролируемой глупости
женщину захватывай врасплох.
Против элемента неприступности
лучшая стрелялка – диалог.

Ведь, по Кастанеде:
безупречностью
можно

одолеть любую клеть.
Главное же – правило беспечности,
то есть: впечатлять, но не владеть.

По Сеньке и Сонька

Гламурка Соня как-то в мае
(что недотрога, знали все)
сказала мне: - Я вас не знаю, -
когда о ней лишь по весне:
бои без правил и все мысли,
и, что ни вечер - двор на двор,
пейзаж – черёмуховый пирсинг,
и в ухажёрах перебор
(по протоколу - беспричинно).
Так день за днём, и вдруг – в кино
я встретил Сонечку, с мужчиной,
всю в поцелуях, и темно
на сердце сделалось. Пронзило
и ныло долго: ху есть ху,
но годы, памяти бациллы,
боль перетёрли в трын-труху.
Но вензелем пчелиным в мае
гудит черёмуховый пир,
мечта кричит: - Я вас не знаю, -
и оглушает, аки спирт.

Путь самурая

Стань безвестным зуавом судьбы,
сплунь на ринге её поединков.
Есть в натальной болтанке ходьбы
тайна взлёта – хмельная “Калинка”.
Так ведёт Прозерпина в свой храм:
мозг туманит и путает карты.

Не выхаживай прошлого спам,
как болезненное потомство - для Спарты.
Не храни колумбарий мечты,
падай на амбразуры везений,
и тогда в вензелях золотых
из, на вырост, как жизнь, пустоты
на тебя рухнет нимб,
с грифом: - Гений.

Рафинад

Насмарку распри белой пустоты:
на улице фонарь гвоздит аптеку.
Блок Скифыч загляделся с высоты
и хочет к нам, но дважды – в реку,
и там табу, а здесь, взглядишь:
века текут потусторонней жижей
сквозь разум сонный,
в ночь, лишь фонари,
как рафинад, блестят, и снег их лижет.
И правды горькой нам не говорит.

Сам не свой

Румяным пряником заката
давился вечер в шесть ноль-ноль,
в кастрюле булькал мирный атом
(по внешним признакам – фасоль).
Из окон было видно всяко,
и это, всякое, влекло
к стихосложению, и тако,
под утро крышу и снесло.

Сырое

Несладко: мокрые манатки.
Дождя лихое тхэквондо.

С небес: в копилку – капли падки.
Так, в ожидании Годо,
к нам льнёт процеженная сущность,
как плач по участи – к балде.
По звуку – это в Райских кущах,
бродвеют толпы по воде.

Шеря

Когда зубарит воздух занавески
и вечер корчит из себя
фаната ночи,
ты входишь,
как богиня Ласки – с фрески,
и я теряю бод ногами почву.

Увидеть ночь

Какие черти по ночам
чифируют тёмную начинку:
то бредни мечут по речам,
то небо вылепят с овчинку.
Люби - ласкается сирень.
Старей - часов горчит регламент.
Подумаешь: - Ну что за хрень.
- Танцуй: - так пишет Мураками.
Но, сколько ни вводи пароль,
весна находит тебя лишним,
а за окном, как жирандоль,
каштан - светлей,
чем харя Кришны.

Увидеть утро

С рассветом в окна вхож пейзаж
с ордой растущих децибелов.
В ночной вживаясь антураж,
он млел меж космосом и телом

Земли, как шалое дитя,
как баловень червивой почвы.
Но утро, с птицами летя -
бесследно, как продукт побочный.
Многосерийно, на износ,
порожняком – куда их носит?
И сны, пуская под откос,
мы говорим себе: - Но посибл.
И выбираемся на свет,
замкнув бетонные шумовки,
и город всучит нам букет
из “аськи”, спешки и парковки.

Формат сезона

Листва, облетая, чуть слышно:
- Шу-шу, -
лопочет, мол, ветер-мокрушник.
И ловит скамейками эту лапшу
бульвар, как смиренный послушник.
Другой информации, в принципе, нет.
Троллейбус везёт поголовье.
Прогноз задолжал мне
удачных планет,
и я не в ладах, сквернословя.
Вдохнёшь пустоту
в золотых вензелях -
покажется: всё уже было.
Грядущее с прошлым, игра – по нулям.
Судью, то бишь, осень – на мыло.
Но где бы ты ни был – вокруг Авентин,
небес рифмоносные слёзы,
а город сжигает мечты и бензин.
Флуд луж – тротуарная проза.

Холодильное

Людей водили за нос холодильники:
к стихам склоняли, типа холодольников,
и весело дразнились холодулями,
а моль их всё манила холодалями,
а дамы звали оных холодулями.
Им жизнь казалась
славной холоделикой,
а люди, дворцы вскрыв,
как в холотелики,
гляделись в них с голодною истерикой.

Человек дождя

А было так: гуляка-ветер
листве командовал: - Я – вождь!
Небесные ломались клетки,
о мостовые бился дождь.
А где-то мама мыла раму,
как будто в рамах есть покой;
сосед, нажравшись, дело знамо,
вступил с дождём в неравный бой.
Когорту матерных пришельцев
вёз без желания трамвай,
а кто-то, впереди, на рельсы,
лил масло и кричал: - Банзай!
Меня, как в позднем Ренессансе,
спросили двое: - Третьим бу?-
И в этой, странной из вакансий,
я перелистывал судьбу.
Вот проза жизни: стойло, пойло.
Герой, как видится, - чужак.
Он просто выпал из обоймы
и рассуждал примерно так:
что соло одинокой флейты
никто не слышит, как всегда,
а время из небесной лейки
его смывает без следа.